

**Пресс-конференция на тему
«Экспорт и повышение надежности поставок газа в Европу»
18 июня 2019 года**

ВЕДУЩИЙ: Доброе утро, коллеги! Мы продолжаем пресс-конференции в преддверии годового Общего собрания акционеров. Тема сегодняшней пресс-конференции — «Экспорт и повышение надежности поставок газа в Европу».

В пресс-конференции участвуют:

- заместитель Председателя Правления ПАО «Газпром», генеральный директор ООО «Газпром экспорт» Елена Викторовна Бурмистрова;
- член Правления, начальник Департамента ПАО «Газпром» Сергей Иванович Кузнец;
- начальник Департамента ПАО «Газпром» Павел Валерьевич Одеров.

Я передаю слово Елене Викторовне, после чего перейдем к вашим вопросам.

Е.В. БУРМИСТРОВА: Уважаемые коллеги, доброе утро! Хочу коротко осветить итоги прошедшего и основные тенденции текущего года. Уже не новость, что 2018 год стал рекордным по объемам экспорта нашей компании. Общий объем поставок по контрактам «Газпром экспорт» и Gazprom Schweiz, согласно нашей управленческой отчетности, достиг 201,9 млрд куб. м.

Безусловно, после того как достигнуты такие рекордные показатели, всегда возникают вопросы, сможем ли мы удержать такие объемы и такие показатели? Я хотела бы обратить ваше внимание, что в нашей отрасли тенденции зачастую важнее любых цифр. Точный результат 2019 года будет зависеть в первую очередь от рыночной конъюнктуры и погодных условий. А вот что действительно важно, это тот факт, что наши поставки на уровне 200 млрд куб. м газа в год — это новая реальность газового рынка Европы.

Хочу обратить внимание, что 10 лет назад объемы наших поставок в дальнее зарубежье были примерно на 30% ниже. Вдумайтесь в эту цифру, она действительно велика. Рынок выбирает газ «Газпрома». Подтверждение тому — наши новые контракты. В прошлом году мы продлили сроки и увеличили объемы поставок газа в Австрию. Совсем недавно в рамках Петербургского международного экономического форума мы подписали новый контракт на поставки в Германию для компании VNG. Также наша Электронная торговая платформа, которая работает меньше года, показывает блестящие результаты и помогает нам продать дополнительные объемы сверх законтрактованных на долгосрочной основе.

Поэтому на европейском рынке, где сегодня происходит масса интересных событий, мы чувствуем себя вполне уверенно. 2018 год был очень динамичным и неожиданным для нас. 2019 год обещает также стать уникальным для отрасли в целом. Мы наблюдаем появление в Европе действительно больших объемов СПГ. Мы видим, что рынок становится глобальным. Мы видим новые тенденции со стороны спроса, в том числе тренд на возвращение газа в электрогенерацию. Мы ожидаем ввода в эксплуатацию в конце года новых газотранспортных артерий, которые помогут удовлетворить растущий спрос на импортный газ.

Безусловно, мы не можем не принимать во внимание текущие политические тенденции, которые добавляют рынку существенную долю неопределенности. Я не буду вдаваться в оценку тех или иных действий и заявлений политиков. Важно никогда не забывать о том, что «Газпром» в первую очередь — это коммерческая компания. Наша задача — продавать газ на условиях, которые выгодны нам, нашим акционерам и нашим контрагентам. А продавать газ мы умеем хорошо и в любых условиях.

Наш главный стратегический ориентир — делать все, чтобы более чем полувековая история надежных и выгодных поставок газа из России в Европу продолжалась и дополнялась новыми достижениями. Пусть именно это станет лейтмотивом ближайших месяцев нашей работы. Спасибо большое. И мы с удовольствием ответим на ваши вопросы.

ВОПРОС: Ольга Танас, агентство Bloomberg. Вчера вышли данные «Газпрома» по экспорту в дальнее зарубежье. Он снизился на 5,5% по отношению к аналогичному периоду прошлого

года. Собирается ли «Газпром» пересматривать планы по экспорту в этом году или сохраняет оценку 194-204 млрд куб. м?

Учитывая риски по транзиту через Украину и то, что переговоры пока еще даже не начались, планирует ли «Газпром» по максимуму заполнять свои хранилища в Европе?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Да, действительно, Вы правильно заметили тенденцию. В первом квартале текущего года было незначительное снижение, как мы считаем, вызванное в первую очередь погодными факторами. Плюс поставки в Турцию снизились из-за экономической ситуации, которую мы можем наблюдать сегодня на турецком рынке в целом. Но, тем не менее, мы смотрим в будущее с умеренным оптимизмом и пока не намерены сокращать наши прогнозы. Как мы заявляли, в том числе на конференции в Берлине, диапазон 194-200 млрд куб. м кажется нам вполне реально достижимым в текущем году.

Как обычно, посмотрим, что нам покажет погода. У нас был достаточно теплый предыдущий осенне-зимний период, и есть вероятность, что предстоящий окажется не таким благоприятным, будет более холодным. И тогда, естественно, спрос на газ существенно вырастет.

Что касается второго вопроса — риск транзита, наполнение ПХГ. Мы сейчас активно работаем по закачке нашего газа в европейские подземные хранилища. На сегодняшний день объемы уже превышают аналогичный показатель прошлого года в 2,5 раза, и мы продолжаем закачивать газ.

Более того, мы для себя выбрали такую стратегическую линию развития, которая подразумевает наличие как минимум 5% от объема наших поставок в европейских ПХГ для того, чтобы мы могли выполнять все свои обязательства перед нашими европейскими контрагентами вовремя и в срок.

О.ТАНАС: Какое влияние это окажет на цены осенью?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Вы же понимаете, что цены будут, зависеть в первую очередь от погодных факторов и, в том числе, от азиатской премии. Поэтому точно спрогнозировать цену мы, конечно же, можем, но это не совсем благодарное дело, я бы не хотела озвучивать это.

ВОПРОС: Антон Хлыщенко, агентство «Интерфакс». Вы уже упомянули Турцию, экономический кризис и спор о ценах. Не скажется ли это на реализации проекта «Турецкий поток» и вообще отношениях двух стран?

Е.В. БУРМИСТРОВА: В первую хотелось бы отметить, что когда мы ведем речь о таких крупных инфраструктурных проектах как «Турецкий поток», мы не ориентируемся на текущую конъюнктуру рынка. У нас бывали самые разные ситуации. Когда мы строили «Голубой поток», наверное, кто-то задавал такие же вопросы. Но, как мы видим, он полностью окупился, работает на полную мощность. Да, действительно, иногда случаются различные ситуации на рынках, когда поставки или доля сокращаются. В том числе это связано с сектором энергетики в Турции. Но в первую очередь это никак не скажется на межстрановых отношениях, которые сегодня находятся на крайне высоком уровне. Также мы при расчетах и строительства, и окупаемости нашего проекта закладывали стандартные параметры, которые, как мы считаем, мы выполним.

А. ХЛЫЩЕНКО: В 2018 году у турецких потребителей не возникала потребность, необходимость заплатить аванс по take-or-pay?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Существуют определенные правила, которые прописаны в контракте, условия этого контракта. И, безусловно, они полностью выполнялись и со стороны турецких покупателей, и со стороны «Газпрома» по результатам 2018 года.

А. ХЛЫЩЕНКО: А будет ли «Газпром» по итогам 2019 года выставять такие...?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Но мы ведь находимся только в середине 2019 года. Мы не знаем, какая сложится ситуация. Мы до конца не понимаем, какие будут цены на рынке. Сегодня мы видим снижение цен, но нас еще ждет период возможных осенних и зимних холодов. И те объемы, которые были снижены в первом квартале, можно наверстать. Поэтому, мне кажется, преждевременно сегодня это обсуждать.

ВОПРОС: Артур Топорков, газета «Ведомости». Всех волнует «проблема 2020» с Украиной. В концепции, в которой вы продолжаете экспортировать около 200 млрд куб. м газа в Европу, пока у вас нет контракта на продолжение транзита с Украиной, но, допустим, что «Северный поток — 2» построен полностью, а Eugal построен не полностью, и к концу этого года европейской части нитки «Турецкого потока» тоже не будет, какие объемы транзита через Украину вам объективно нужны в 2020-2021 году?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Я отвечу следующим образом. Я понимаю ваши опасения по графику ввода проектов, но пока их не разделяю, потому что на сегодняшний день все работы абсолютно идут в графике. Мы рассчитываем, что проекты будут запущены вовремя. Да, есть определенные сложности, но это те рабочие сложности, которыми возможно управлять на сегодняшний день.

Второй момент — вы упомянули Eugal, сухопутную часть. У меня, в общем-то, на сегодняшний момент нет сомнения, что она будет построена. Точно так же все работы идут в графике. «Турецкий поток» я уже прокомментировала.

Поэтому сегодня я бы не хотела выделять конкретно те объемы, которые пойдут в 2020 году по территории Украины. Во-первых, транзитный договор еще не подписан. Во-вторых, это будет зависеть от спроса наших европейских контрагентов. И, соответственно, понимая примерную разбивку тех годовых объемов, которые Вы указали, наверное, можно эмпирическим путем провести какие-то расчеты. Но я пока не стала бы озвучивать эти цифры.

А. ТОПОРКОВ: Вопрос про украинский транзит. Несколько раз говорилось о том, что, в принципе, вы готовы к продлению действующего контракта на тех условиях, которые есть. Действующий контракт в некотором роде, что называется, спорит с решением Стокгольмского арбитража, которое говорит о том, что Стокгольм считает прописанные в нем объемы обязательными к прокачке. Какой вариант предпочтительнее для вас сейчас в обсуждении дальнейшего транзита? Это все-таки продление с корректировками действующего соглашения, заключение нового долгосрочного, заключение краткосрочного на период 2020-2021 годов с возможными корректировками объемов? И предлагалось ли это уже в том или ином виде на встречах, в качестве коммерческого предложения украинской стороне? Или предметные переговоры на данный момент не ведутся?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Украинский транзит — безусловно, достаточно сложная сейчас тема. Как вы знаете, состоялся ряд встреч в формате трехсторонних консультаций, начиная с июля 2018 года по январь 2019 года, в которых участвовали представители Украины, российской стороны и Европейской комиссии. Пока какие-то существенные договоренности достигнуты не были, как вам известно. И мы понимаем, что сегодня на Украине достаточно сложная политическая ситуация. Мы понимаем, что должно произойти назначение Правительства, должны произойти изменения в Парламенте. И, наверное, после этого мы будем возвращаться к обсуждению вопроса. Потому что на сегодняшний день — я думаю, это не секрет ни для кого, — мы не понимаем, с кем там разговаривать физически, кто те люди или организации, с которыми можно разговаривать.

С.И. КУЗНЕЦ: Действительно, нас много раз призывали к заключению контракта на европейских условиях, но это, на мой взгляд, пока невозможно, потому что в Украине еще нет тех институтов, которые могли бы полноценно выполнять те функции, которые мы, работая в Европе, традиционно ожидаем от таких институтов, как регулятор, транспортный оператор.

Буквально на прошлой неделе было опубликовано постановление Кабинета Министров Украины, которое вносит не то чтобы ясность, а хотя бы задает направление, в какую сторону двигаться. Потому что до этого были все время споры между «Нафтогазом Украины», между Кабинетом Министров Украины, какую модель оператора выбрать и на каких принципах строить дальнейшую работу. А без понимания того, кто твой контрагент, действительно очень сложно строить какие-то предпосылки, предположения в отношении будущего транзитного контракта.

Как известно, Украина является членом Энергетического сообщества и взяла на себя определенные обязательства по внедрению правил «Третьего пакета», так называемых европейских принципов, в свое законодательство. Из доступной нам на сегодняшний момент информации — доклад, опубликованный на сайте Секретариата Энергетического сообщества (он, правда, опубликован в 2018 году, может быть, он в какой-то степени уже устарел). Здесь отмечается, что те базовые институты, которые важны для заказчика мощностей, для «Газпрома», а именно регулятор и транспортный оператор, находятся пока еще в неудовлетворительном состоянии.

Здесь отмечается, что регулятор, который определяет ключевые экономические параметры транзита, а именно расчет тарифа, до настоящего времени не является независимым, каким он, собственно, и должен быть, исходя из европейских принципов. Регулятор должен быть независимым, чтобы ни у кого не было сомнений в том, что он руководствуется исключительно объективными критериями при определении размера транзита, а не какими-то иными соображениями. Собственно, исходя из этого, мы ожидаем какого-то прогресса от Украины.

А. ТОПОРКОВ: Все говорят об украинском транзите, но мало кто вспоминает о транзите через Польшу. Ваш контракт заканчивается весной следующего года. На какой стадии переговоры, идут ли они уже? Если это речь не о продлении действующего соглашения, то какие параметры могут меняться?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Переговоры в настоящий момент продолжаются. Более того, поскольку они были подкреплены межправительственными соглашениями, в них участвуют и различные польские ведомства, и Минэнерго России. Пока результатов нет, когда будет — сообщим.

ВОПРОС: Андрей Грязнов, агентство ТАСС. «Газпром» разрабатывает план минимизации негативных последствий из-за позиции Дании по «Северному потоку — 2», и понятно, что Дания затягивает этот процесс. Есть ли какой-то крайний срок, после которого будет уже понятно, что проект не будет сдан в конце 2019 года? Без разрешения этой страны, разумеется.

Е.В. БУРМИСТРОВА: Мне в этот момент вспоминается цитата из фильма «Гараж»: «Законным путем идти можно, но довольно трудно». Так и здесь. Мы уже достаточно давно идем законным путем, было подано три заявки. В ближайшее время предстоят консультации нашей проектной компании с Датским энергетическим агентством. Я бы пока не хотела проявлять какой-то негативизм и говорить о точке невозврата или «часе икс», потому что строительство идет, строительство полностью в графике. Мы давали вчера информацию, что по состоянию на 16 июня проложено уже 58,7% этого газопровода, в абсолютных цифрах — 1 тыс. 441 км, поэтому мы двигаемся хорошими, я бы даже сказала, более энергичными темпами, чем предполагалось изначально.

У нас остается под вопросом только кусок датской территории примерно в размере 130 км. Алексей Борисович Миллер в рамках Петербургского международного экономического форума, в кулуарах, в том числе, говорил о том, что в зависимости от погодных условий мы его можем построить максимально за пятинедельный срок, а, возможно, и быстрее. Поэтому на сегодняшний момент мы не видим этой проблемы.

С.И. КУЗНЕЦ: Я хотел бы только обратить внимание, что компания Nord Stream 2 AG, собственно, сама комментировала сложившуюся ситуацию и обращала внимание на

необходимость введения защиты прав инвесторов. Сделаны определенные инвестиции, и компания ожидает от датских властей законного и беспристрастного рассмотрения заявки.

А. ГРЯЗНОВ: Когда будет определена дата поставок газа по «Турецкому потоку»?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Это конец 2019 года, декабрь.

ВОПРОС: Виталий Соколов, агентство Energy Intelligence. Вы упомянули, что цены трудно прогнозировать. Но при текущих низких ценах не планируете ли вы снижать продажи на споте, в том числе через Электронную торговую площадку, чтобы каким-то образом поддержать эти цены? Или вас устраивает, вам комфортна эта ситуация? И, может быть, вы считаете, что при такой ситуации вы в более выигрышном положении, чем американский СПГ, например?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Если посмотреть внимательно на текущую ситуацию на европейском газовом рынке, мы не заметили, чтобы газ «Газпрома» вытеснялся американским СПГ. То есть, в данном случае мы не конкурируем за одни и те же ниши.

Что касается объемов торговли на ЭТП, то на сегодняшний момент мы не планируем такое снижение. Мы считаем ситуацию достаточно комфортной для нас, несмотря на то, что цены снижаются. Но мы понимаем, что это, в том числе, скажется положительно в секторе электроэнергетики и на потреблении газа в этом секторе.

Второй момент: собственно говоря, рынок уже отреагировал на то, что мы не ограничиваем поставки. Мы не пытаемся манипулировать рынками. Мы выполняем все наши обязательства, плюс осуществляем дополнительные продажи. И в том числе те цены, которые мы сегодня можем наблюдать, — это отражение нашей экспортной политики. Поэтому, мне кажется, рынок уже на это отреагировал — сегодня идет закачка в ПХГ, она идет достаточно интенсивными темпами, причем газ закачивает не только «Газпром», но и многие европейские компании. Поэтому мы не предполагаем такого снижения на сегодняшний момент.

ВОПРОС: Людмила Подобедова, газета РБК. Недавно Министр энергетики РФ Александр Новак говорил о том, что «Газпром» предложил Украине мировое соглашение по Стокгольмскому арбитражу. Можете приоткрыть завесу: о чем суть, когда вы это отправили? Потому что «Нафтогаз» опровергал, что они это получали.

Подсчитывали ли вы уже объем пени за неоплату штрафных санкций, которые присудил Стокгольм за то, что вы не подавали 110 млрд куб. м на транзит?

С.И. КУЗНЕЦ: Что касается мирового соглашения и предложения о его заключении. Да, такое предложение было сделано еще во время прошедших в январе 2019 года трехсторонних консультаций. Алексей Борисович Миллер озвучил, что мы готовы рассмотреть «нулевой» вариант и вернуться к переговорам с «чистого листа», что называется. Но дело в том, что украинская сторона упорно хочет поменять формат этого возможного мирового соглашения. Они говорят: «Нет, вот то решение, которое вынесено в нашу пользу, давайте оставим как есть, а вот наши будущие требования — давайте от них откажемся и заключим на их основе мировое соглашение». Но это напоминает анекдот про Винни-Пуха, который говорит: «Нам поровну прислали десять апельсинов, свои восемь я уже съел». Поэтому если будет желание на честных и равноправных условиях обсуждать мировое соглашение, конечно же, мы будем рады его обсудить. Пока просто не складываются условия для такого обсуждения.

Размер пени. Во-первых, на сайте «Нафтогаза» есть замечательный счетчик, они очень скрупулезно подсчитывают те пени, которые мы должны им заплатить. Поэтому мы любезно пользуемся помощью коллег. Правда, там еще есть информация о том, что они уже якобы взыскали с «Газпрома» два с лишним миллиарда долларов США, но это не соответствует действительности, конечно же. Потому что они, наверняка, имеют в виду ту сумму, которую зачел Стокгольмский арбитраж по результатам рассмотрения двух споров. А так, я хочу сказать, что ни одного доллара, ни одного евро взыскано не было, и все аресты в настоящий момент приостановлены.

Ровно поэтому хотелось бы подчеркнуть актуальность нашего предложения об урегулировании дела во внесудебном порядке. Потому что, на мой взгляд, даже представителей Еврокомиссии украинская сторона вводит в заблуждение. На последней встрече с господином Шефчовичем он сказал, что ему украинцы сказали, что осенью точно они все взыщут, поэтому нет смысла ничего обсуждать с россиянами, потому что дело верное и деньги у них, можно сказать, в кармане. На мой взгляд, это все-таки еще журавль в небе, а не синица в руках.

Л. ПОДОБЕДОВА: Вы ждете смены Правительства и Парламента в Украине, а ждете ли смены руководства «Нафтогаза Украины»? Мешает ли текущее руководство вообще как-то коммуницировать по существу? Или вы готовы с ним работать?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Я бы здесь не стала давать оценки нашим коллегам из «Нафтогаза Украины».

С.И. КУЗНЕЦ: Некорректно так говорить. Но с точки зрения регуляторной и европейских принципов работы на газовом рынке одно из критических замечаний, которое сейчас высказывается как Еврокомиссией, так и Секретариатом Энергосообщества — это то, что пока еще не произошло разделение. «Нафтогаз Украины» продолжает совмещать функции: работает и как оптовый торговец на рынке газа, и контролирует «Укртрансгаз», который осуществляет транзит газа. И вот именно разделение этих функций, выделение, обеспечение независимости и объективности, снимет те искажения, которые, наверное, сейчас еще присутствуют в наших отношениях.

ВОПРОС: Татьяна Кудряшова, агентство «Россия сегодня». У меня вопрос по «Северному потоку — 2». Министр энергетики РФ Александр Новак недавно говорил, что есть несколько вариантов адаптации этого проекта к изменениям газовой директивы ЕС. Не могли бы вы озвучить эти варианты, какие существуют, какие вы рассматриваете.

Какие объемы закупок туркменского газа обсуждаются, когда может начаться контракт? Когда завершатся переговоры с туркменской стороной?

Е.В. БУРМИСТРОВА: После встречи с господином Шефчовичем был сделан ряд заявлений Александром Валентиновичем Новаком. Но, собственно говоря, что такое план «А» и план «Б» в данной ситуации? Директива еще не имплементирована, и это займет определенное время. По-моему, там период вплоть до девяти месяцев. Поэтому, мне кажется, преждевременно об этом говорить.

С.И. КУЗНЕЦ: Как это будет работать, мы поймем только после того, как нормы изменений в «Третий пакет» будут внедрены непосредственно в законодательство Германии, которая в данном случае является принимающей стороной. После того, как этот процесс завершится, когда будут внесены изменения в немецкие законы, в какие-то инструкции, будут даны разъяснения немецким регуляторам, тогда будет понятно, нужна ли нам адаптация и в какой форме. Пока об этом еще рано говорить.

Е.В. БУРМИСТРОВА: По второму вопросу. У нас на сегодняшний момент работает краткосрочный контракт с туркменской стороной, который завершится в конце текущего месяца. В настоящий момент мы находимся в активном обсуждении среднесрочного контракта на ближайшие годы. Озвучивать объемы и цены я не буду, пока переговоры не закончены. Обычно мы не раскрываем такую коммерчески чувствительную информацию.

ВОПРОС: Анастасия Горева, агентство Argus Media. Если рассматривать оптимистичный вариант, что «Северный поток — 2» будет построен, сколько газа вы планируете поставить в этом году, этой зимой по «Северному потоку — 2» и по «Турецкому потоку»?

Вы говорите, что куча проблем, чтобы договориться с Украиной. Какие меры вы планируете, чтобы не было кризиса зимой предстоящего года? То, что будет максимальная закачка в ПХГ — это понятно. А что еще?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Что касается первого вопроса, я уже фактически частично на него отвечала. Это будет зависеть от заявок наших европейских потребителей. В соответствии с ними, когда мы подойдем к осенне-зимнему периоду, мы можем спрогнозировать более точный баланс и разбивку по коридорам.

Что касается второго вопроса, какие меры предпринимаем — собственно говоря, основные мы перечислили. Мы считаем, что есть варианты: два «потока» плюс возможность нахождения договоренностей с украинской стороной по продлению существующего транзитного договора. То есть в какой-то апокалиптический сценарий мы все-таки не хотели бы верить.

А. ГОРЕВА: А в виде СПГ вы собираетесь продавать? Хотя бы возможность такую вы рассматриваете? Понятно, что не хотелось бы верить в плохой вариант, но готовиться к нему надо. Поэтому хотя бы максимально задействовать регазификационные мощности Европы или какую-то другую уже существующую инфраструктуру, чтобы поставлять в какие-то страны.

Е.В. БУРМИСТРОВА: Давайте по порядку. Я не очень понимаю, что такое цель «задействовать регазификационные мощности Европы». Мне кажется, об этом должна думать Европа, а не мы. Мы должны думать в первую очередь о нашей стратегии, а наша стратегия — это удовлетворять заявки наших потребителей в полном объеме. И, конечно же, мы об этом думаем и, безусловно, мы будем поставлять СПГ, как и поставляем его сегодня.

Л. ПОДОБЕДОВА: Вы говорите о продлении либо заключении нового контракта с Украиной. А о продлении либо заключении нового контракта на какой срок сейчас идет речь?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Я сказала о продлении существующего, про заключение нового сказали Вы. Сроки могут быть самые различные. Мы гибки в наших подходах — нас устроит и среднесрочный, и краткосрочный, мы готовы обсуждать любые варианты, когда мы поймем, с кем это обсуждать.

Но, коллеги, я тоже внимательно слушаю ваши вопросы, и меня интересует такая вещь: почему никто из вас не задает вопрос — а как насчет поставок газа на Украину, начиная с 2020 года? То есть мы существуем в такой вот парадигме дисбаланса: наши обязательства перед Украиной существуют, как бы, но вопрос, собственно говоря, заинтересована ли Украина?

Был ряд тезисов, озвученных Алексеем Борисовичем Миллером в рамках Санкт-Петербургского международного экономического форума, о готовности «Газпрома» поставлять газ конечным потребителям Украины по цене на 25% ниже сегодняшней рыночной цены. Что де-факто происходит на сегодняшний момент? Наши украинские покупатели покупают тот же российский газ, который поступает на Украину при помощи реверса, по цене, значительно превышающей цены, которые существовали бы в нашем контракте. И всех эта ситуация устраивает.

Для того, чтобы нам построить балансировку наших объемов, в том числе по всем коридорам, нам необходимо понимать, какие мощности будут востребованы. Какое техническое давление, какие мощности нам надо держать на российской стороне по отношению к украинским коридорам. Для этого мы должны понимать, будем мы продавать газ или нет, или Украина будет его закупать где-то у третьих сторон по значительно более высоким ценам. И это комплексный подход.

Чтобы рассчитать все эти цифры, нам необходимо как минимум какое-то адекватное общение от наших контрагентов. Но здесь мы надеемся на то, что это также входит в интересы украинской стороны, что страна заинтересована и в продолжении транзита, и в наращивании объемов потребления по экономически более привлекательным ценам.

А. ТОПОРКОВ: Про поставки на Украину, начиная с 2020 года, — вопрос, конечно, политической воли и экономических предпосылок контрагентов с той стороны. Решение Стокгольмского арбитража предполагает, что пусть в меньшем в 10 раз объеме, но Украина должна покупать «газпромовский» газ — в объеме до 5 млрд куб. м. «Нафтогаз» включил счетчик у себя на сайте. Вы ведете калькуляцию того, что они не отобрали по этому решению суда? И предполагаете ли выставлять им потом счет по take-or-pay?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Я бы сказала так: счетчик на сайте мы не поставили. Мы считаем, что все-таки наша компания занимается несколько другими проектами и делами.

С.И. КУЗНЕЦ: Конечно же, не составит большого труда все рассчитать. Но, опять же, мы всегда за конструктивное сотрудничество. Мне кажется, что пугать друг друга счетчиками — это бессмысленное занятие, это путь в никуда. Каждый знает свои права и, в случае необходимости, защищает их в суде.

А. ТОПОРКОВ: Почему вам нужен маршрут через Данию? У Германии и Швеции есть стык свободных экономических зон. Вы рассматриваете возможность удлинить маршрут «Северного потока — 2», но пройти сильно севернее, мимо датской стороны?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Когда подавалась заявка на прокладку первого маршрута, компания Nord Stream 2 AG действовала согласно уже протоптанной дорожке по проекту «Северный поток». И с точки зрения простой логики можно представить, что, наверное, такое разрешение должно было бы быть в иных условиях безболезненно получено. После этого была подана вторая заявка, потом третья... Второй и третий варианты маршрута проходят в исключительной экономической зоне. И в данном случае Дания не может, с нашей точки зрения и с точки зрения Nord Stream 2 AG, не выдать это разрешение, потому что в противном случае это будет нарушением Конвенции ООН.

С.И. КУЗНЕЦ: Вы наверняка знаете комментарии Nord Stream 2 AG, которые сделаны. С их точки зрения — и я с ними согласен — у Дании есть возможность либо согласовать маршрут, либо не согласовывать, но нет права указывать, где прокладывать маршрут. А что касается выбора оптимального маршрута, то это, скорее, в компетенции компании. Я согласен с Еленой Викторовной, что логично проложить вторую нитку там же, где проложена первая.

А. ТОПОРКОВ: Просто у них нет никаких ограничений по срокам рассмотрения этой заявки, чем, собственно, Дания и пользуется.

С.И. КУЗНЕЦ: Но все-таки есть ответственность, которая может рано или поздно возникнуть. Насколько я знаю, компания Nord Stream 2 AG намекнула на то, что инвестиции уже сделаны и задержка в согласовании маршрута газопровода может обернуться убытками, которые рано или поздно придется компенсировать.

А. ТОПОРКОВ: У вас контракт на закупку 2,5 млн тонн СПГ с проекта «Ямал СПГ». Долгосрочный контракт с GAIL вроде был пересмотрен. Какая часть этого СПГ сейчас поставляется в Индию?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Затрудняюсь сейчас дать вам точное распределение, но контракт подразумевал собой прямые поставки в Индию и возможность проведения разменных, своповых операций в порту Зебрюгге.

А. ХЛЫЩЕНКО: Заинтересован ли «Газпром» в приобретении частных турецких импортеров? В чью пользу закончился арбитраж с ними? И если он закончился в вашу пользу, сколько должны выплатить компании и за какой период?

Е.В. БУРМИСТРОВА: На протяжении прошлого и текущего годов у нас прошел ряд разбирательств. Трибунал принял решение в нашу пользу абсолютно по всем пяти делам, которые рассматривали разные трибуналы. Суммы, подлежащие к выплатам, являются чувствительной коммерческой информацией, и, естественно, они учитываются в наших взаимоотношениях с контрагентами.

На сегодняшний день мы не рассматриваем возможность покупки упомянутых вами компаний.

А. ТОПОРКОВ: В этом году вы закачиваете в европейские ПХГ без малого в два раза больше. Каков ориентир по максимальной мощности суточного отбора к зимнему периоду?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Вопрос очень хороший, но на него невозможно ответить однозначно, потому что таких ориентиров нет. То есть они, безусловно, существуют, но они существуют с очень детальной разбивкой по месяцам, по суткам и при пиковых суточных значениях. Поэтому «средняя температура по больнице» вам ничего не даст, ибо действительно значения различаются. Более того, профиль отбора сильно зависит от того, в каком месяце был начат первичный отбор. Ситуация динамично развивается, но наши специалисты моделируют самые различные сценарии и, конечно же, все свои расчеты мы проводим с учетом таких сценариев.

С.И. КУЗНЕЦ: Насколько я понимаю, производительность ПХГ — это публичная информация, которая есть на сайте у операторов.

Е.В. БУРМИСТРОВА: Да. Но это действительно очень индивидуально, в каждом конкретном случае зависит от твердых забронированных мощностей или прерываемых, и такой цифры просто не существует в среднем значении.

ВЕДУЩИЙ: Спасибо. Пресс-конференция закончена.